

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ОСЕТИНСКОГО МИФОНИМА РУЙМОН

Дарчиев А.В.¹

¹ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания (362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: dar-anzor@yandex.ru

Статья посвящена изучению мифонима Руймон, которым в осетинской мифологии обозначается змеевидное чудовище, грозящее уничтожением всему миру. Анализ историографии вопроса приводит к выводу, что наиболее обоснованной с фонетической и семантической стороны представляется этимология, предложенная В.И. Абаевым, который производил имя Руймон от Rum, т.е. Рим, с исходным значением «римлянин». В пользу данного истолкования предлагаются новые аргументы. По мнению автора, миф о Руймоне имеет иудейское происхождение и обладает чертами, сближающими его с морским чудовищем иудейской мифологии по имени Левиафан. Именно иудейская мифология с первых веков нашей эры отличалась антиримской направленностью с явной тенденцией к отождествлению Рима с чудовищным Левиафаном. Таким образом, мнение об иудейских элементах в представлениях о Руймоне полностью согласуется с этимологией имени Руймон, производящей его от названия Рима, а позднее и Византии, в восточных источниках.

Ключевые слова: мифоним, этимология, осетинская мифология, Руймон, Рим, Левиафан.

ABOUT THE MEANING OF THE OSSETIAN MYTHONYMS RUIMON

Darchieiev A.V.¹

¹FGBUN "The North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of V. I. Abayev of VNTS Russian Academy of Sciences and Government of North Ossetia-Alania", Vladikavkaz, Russia (362040 Republic of North OssetiaAlania, Vladikavkaz, Prospect Mira, 10), e-mail: dar-anzor@yandex.ru

The article is devoted to the study of mythonym Ruimon, which in Ossetian mythology indicated a snake-like monster that threatens to destroy the world. An analysis of the historiography of the issue leads to the conclusion that the most reasonable with phonetic and semantic side seems etymology proposed V.I. Abayev, who made a name Ruimon of Rum, i. e. Rome, with the initial value "Roman." In favor of this interpretation is offered new arguments. According to the author, the myth of Ruimon has a Jewish origin and has characteristics unison with his sea monster of Jewish mythology named Leviathan. It is Jewish mythology from the first centuries of our era was different-Roman orientation with a clear tendency to equate Rome with a monstrous Leviathan. Thus, the opinion of the Jewish elements in the concept about Ruimon is fully consistent with the etymology of the name Ruimon producing it from the name of Rome, and later Byzantium, in the Eastern sources.

Keywords: mythonym, etymology, ossetian mythology, Ruimon, Rome, Leviathan.

Одним из наиболее интересных персонажей осетинской мифологии является чудовищное существо по имени Руймон. Обнаруживая немало общего с другими драконами и змеями древних мифологий, Руймон в то же время обладает такими особенностями, которые ставят его в изолированное положение внутри собственно осетинской мифологической традиции. Сложный комплекс представлений о Руймоне, вероятнее всего, отражает многогранные этнокультурные контакты далёких предков осетин, поэтому подробное изучение текстов о Руймоне представляется весьма актуальным.

Мифу о Руймоне уже посвящена значительная литература, в силу чего возникает необходимость задача анализа и систематизации различных исследовательских версий как о данном мифе в целом, так и по отдельным его аспектам. Мы остановимся на истории изучения весьма непростого вопроса о значении мифонима Руймон. Решение этого вопроса,

несомненно, могло бы пролить свет как на происхождение легенд о Руймоне, так и на их мифологическое содержание.

Впервые легенда о Руймоне была опубликована В.Ф. Миллером [15, с. 295-296], ему же принадлежит и первая попытка истолкования данного мифонима. Рассматривая в третьем томе «Осетинских этюдов» вопросы исторической фонетики осетинского языка, учёный пишет: «Для соответствия осетинского *м* иранскому мы можем привести ещё: *мон* в словах: *дäли-мон* – «подземный (нижний) дух»; *руи-мон* – «злой дух», *уäли-мон* – «небесный (верхний) дух», срав. авест. *mainju*» [16, с. 157]. Таким образом, согласно Миллеру, вторая часть имени Руймон (-мон) означает «дух» и восходит иранскому (авестийскому) *mainju*, т.е. имеет иранскую этимологию. В то же время первая часть имени (*Руй-*) остаётся у Миллера без объяснения.

Вскоре свою этимологию предложил Р.Р. Штакельберг. Имя Руймон учёный рассматривал как одно из персидских слов, которые, по его мнению, в значительном количестве встречаются в осетинском языке и свидетельствуют о некогда имевшем место прямом влиянии персов на язык, быт и религиозные верования осетин. Осетинское Руймон автор сблизил со следующими персидскими формами: *raiman* – 1) *dolorum structor, fraudulentus* «приносящий страдания, лживый, коварный», 2) *infestus, infensus* (враждебный, злобный); *gīman* – *idem quod*. По мнению Штакельберга, оба персидских слова имеют одно происхождение и представляют собой сокращённые формы имени злого духа Аримана (перс. *Ahriman*, восходит к авестийскому *a ro mainyuš*) [21, с. 138-139]. Как видно, Штакельберг развивает намеченную Миллером этимологию, уже полностью объясняя осетинское Руймон на иранском материале. Однако позднее, в статье о религиозных верованиях осетин, Штакельберг признал сомнительным предложенное им сопоставление осетинского Руймона и персидского Аримана [20, с. 23].

В дальнейшем замечания исследователей вызвала и этимология Миллера. Густав Шмидт отметил некоторые трудности в объяснении осетинских *дäлимон* и *уäлимон*, с которыми Миллер сопоставил имя Руймон, а также усомнился в предложенной Миллером этимологии этого имени. «Исходя из значения осетинских слов, пишет исследователь, - можно высказать лишь одно предположение: возможно, речь идёт не об аналогичном с *ruimon* образовании [этих слов], о чём я говорил ранее в качестве альтернативного решения, а непосредственно о словосложении осет. *däl- vāl-* с *ruimon*. Возможно, аускультация могла бы кое-что прояснить (полупротяжный *l* в обоих диалектах?); также необходимо более подробное и объективное объяснение диг. *ruimon*. Во всяком случае, арийская этимология Миллера посредством дигорского представляется совершенно непрочной» [25, с. 19].

Новая этимология имени Руймон была предложена лишь через сорок после этих строк Шмидта. Б.А. Алборов в статье, посвящённой чудесному Колесу в нартовском эпосе, подробно рассмотрел одно из многочисленных названий этого Колеса – Руймони Цалх «Колесо Руймона». Образ Колеса учёный трактовал как фольклорное отражение древних боевых колесниц. Но что означает слово Руймон в этом названии? По этому поводу Алборов отмечает, что Рим, а позднее и Византия, у восточных народов, а также у осетин и адыгов, назывались Рум, Урум. Византийцы должны были быть знакомы с колесницами древних персов, и предки осетин, аланы, служившие в Византии (Руме), могли видеть там образцы таких колесниц. Естественно, что они называли их «Румскими колёсами», а у осетин-дигорцев это наименование должно было звучать Румион цалх. «Образование слова Румион, - пишет Б.А. Алборов, - такое же, как и образование Онион [ещё одно название чудесного Колеса в нартовском эпосе – Д.А.], то есть Румион состоит из слова Рум + окончание родительного падежа и + суффикс принадлежности –он. Как в слове Онион, так и в слове Румион в силу эпентезы звук *и* переходит в предшествующий слог *и*, очутившись рядом с *у*, спускается до функции неслогового звука и вместе с *у* даёт дифтонг *уй*, и всё название Колеса звучит Руймон, а в приложении к слову цалх – «колесо» - «Руймони цалх» - «Руймона колесо», или Румская колесница» [3, с. 149]. Здесь же Алборов упоминает чудовище Руймон, очевидно, предполагая и для него ту же этимологию, однако подробно не останавливается на этом вопросе [3, с. 149]. Итак, Алборов попытался вписать имя Руймон в исторический контекст, оставляя в то же время без ответа вопрос о том, каким образом Руймон в значении «римский» стало названием чудовища.

В.И. Абаев спустя пять лет предложил для имени Руймон ту же этимологию, что и Алборов, однако с развёрнутым и, несомненно, более убедительным семантическим обоснованием. По мнению учёного, «римлянин» мог стать синонимом «страшилища» в тот исторический период, когда предки осетин, аланы, в числе других причерноморских племён вели борьбу с Римом, продолжавшуюся вплоть до его падения в 410 г. «Таким образом, - заключает В.И. Абаев, - не менее четырёх столетий аланы знали о великом городе на Тибре и имели ратные дела с его легионами. Образ чужого и враждебного народа, тем более такого, как римляне, легко мог стать достоянием легенды и приобрести гиперболические и фантастические черты, а название этого народа могло получить значение “чудовище”, “страшилище” и т.п.» [1, с. 431].

Этимология Алборова и Абаева, объясняющая Руймон как «римлянин», была поддержана как отечественными и зарубежными специалистами [10, с. 102; 23, с. 42-43]. Отметим интересную точку зрения З.Х. Албеговой. Опираясь на данную этимологию, исследовательница относит появление имени Руймон к концу XII в., когда у алан

сформировался христианизированный пантеон: «Возможно, в указанный период образ аланского апокалиптического змеевидного чудовища слился с представлениями о «звере» новозаветного Апокалипсиса, в результате чего и получило имя Руймон – римский» [2, с. 219]. В то же время исследователи предлагают и другие истолкования, пытаясь найти в имени Руймон отражение каких-либо мифологических характеристик данного персонажа.

Ю.А. Дзищойты, исходя из др. инд. Rоmа «волосы на теле» и перс. gum(a) «волосы на лобковой области», предположил, что слово gom «волосы на теле», «шуба» присутствовало в прошлом и в остейнском языке. По мнению исследователя, оно сохранилось в слове gumon «змеевидное чудовище» (из gum + суффикс –on), которое, таким образом, могло означать «шерстистый». В качестве семантической аналогии автор приводит название ещё одного драконовидного чудовища осетинской мифологии – Каефхъуындар, переводимое В.И. Абаевым как «рыба-шерстью-покрытая» [13, с. 26].

В специальной статье о Руймоне В.С. Газданова предложила ещё одно толкование этого мифонима. По мнению исследовательницы, имя Руймон является метатезой мифологических имён с корнем mog (mer) и семантикой умирания (угасания). Таким образом, имя Руймон отражает глубинную мифологическую сущность данного персонажа, символизирующего понятия хаоса и смерти. В.С. Газданова приводит также немало мифологических имён, имеющих, по её мнению, аналогичное происхождение и семантику (Маара, Марс, Мордагаил, Мардук и т.д.) [8, с. 222-226].

Изучению образа Руймона посвящена замечательная статья Анны Чаудри, которая также касается вопроса о значении этого имени. Британская исследовательница высказывает некоторые сомнения относительно предложенной В.И. Абаевым этимологии. По мнению А. Чаудри, «трудно объяснить, почему столь своеобразное мифологическое создание могло быть названо именем, не имеющим отношения к какому-либо аспекту присущей ему природы». «В случае Руймона, - пишет автор, - предпочтительнее было бы предположить заимствование греческого ροϋ-οϋ «древесный червь». Греческое слово происходит от индоевропейского *urm-os, которое в английском дало worm, в немецком Wurm и в некоторых других родственных языках» [22, с. 89].

Предложенная Алборовым и Абаевым этимология может быть поддержана некоторыми дополнительными аргументами. В недавней статье мы высказали мнение об иудейском происхождении мифа о Руймоне и его соответствии по ряду важных признаков морскому чудовищу (дракону) иудейской мифологии по имени Левиафан [12, с. 57-62]. Это предположение согласуется с предложенной Абаевым этимологией и даже представляет в её пользу некоторые дополнительные аргументы. Отмеченная Абаевым возможность трансформации названия враждебного народа, а именно римлян, в синоним «чудовища» не в

меньшей степени применима к истории римско-иудейских отношений. Как известно, в первых веках нашей эры Иудея была завоёвана римлянами. Антиримские выступления иудеев были жестоко подавлены, а их главная святыня - Иерусалимский храм - подвергся полному разрушению. Нетрудно представить, какую ненависть к римлянам должны были испытывать иудеи и какой чудовищный облик этого народа должен был сложиться в их сознании. Именно поэтому в первые века новой эры главной чертой иудейского мифотворчества является резкий антироманизм. Но особенно важным для нас является следующее наблюдение А.П. Скогорева: ««В описании Рима иудейские мифы используют те же метафоры и тропы, что и в характеристиках зловонного чудовища Левиафана [6, с. 331-332].

Отождествление врага иудеев с чудовищным Левиафаном прослеживается задолго до начала римско-иудейских отношений. В Библии словом «Левиафан» аллегорически обозначен фараон Египта, жестокий притеснитель иудеев (Псал. LXXIII, 14), а в книге пророка Исаяи «Левиафан» употребляется как символ враждебного евреям Вавилонского царства [5, с. 412]. Позднее, мифологическое сознание иудеев наделило чертами Левиафана Рим, ставший их главным и наиболее жестоким врагом. Демонизация Рима проявилась и в средневековых (VI-VII вв.) мессианских ожиданиях иудеев, согласно которым приходу Мессии должно предшествовать появление в Риме антимессии Армилуса, имя которого, согласно одному из толкований, происходит от Ромулус, т.е. имени основателя и первого правителя Рима [24, р. 156-158].

Эту иудейскую мифологическую традицию продолжили ранние христиане, уподобив преследовавшее их Римское государство чудовищному дракону. Полагают, что в Апокалипсисе Иоанна Римскую империю символизирует дракон с семью головами и десятью рогами [18, с. 340]. Лжепророка-антихриста автор Апокалипсиса описывает как двурогого зверя, появляющегося из бездны, и приводит знаменитое число этого зверя – 666. Согласно одному из толкований, в «зверинном» числе зашифровано греческое слово *Λατῆ ροσ* «Латинянин» [14, с. 86-87], что прямо соответствует предполагаемой этимологии осетинского Руймон – «Римлянин».

Осетины могли заимствовать иудейские представления о Левиафане в тот период, когда часть северокавказских алан, предков современных осетин, исповедовала иудаизм. Последнее связывают с влиянием Хазарского каганата, где с VIII в. иудаизм являлся государственной религией [9, с. 131-132; 7, с. 17-19; 4, с. 430; 11, с. 49]. Хотя Хазария долгое время была близким союзником Византии, с принятием хазарами иудаизма эти «особые отношения распались и превратились в ненависть» [19, с. 333]. Так, арабский историк ал-Мас'уди сообщает: «Царь (хазарский – Д.А.) принял иудейство во время правления халифа

Харун Ар-Рашида (179-98 г. х. / 786-814 г.). Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне, т.е. в 332 г.х. / 943 г., и носящий имя Арманус (Роман), обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их <...> и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар» [Цит. по: 17, с. 193]. Речь идёт о византийском императоре Романе I Лакапине (919-944), учинившем жестокие гонения на евреев. Еврейско-хазарская переписка не только сообщает о преследовании иудеев во время правления Романа Лакапина, но и приурочивает к этим событиям обращение царя алан за помощью к хазарскому царю Иосифу: «И ещё, в дни Иосифа царя, моего господина, [он (*царь алан – А. Д.*) искал] его помощи, когда гонение обрушилось во время дней Романа злодея» [9, с. 141]. Н. Голб и О. Прицак в комментарии к этому тексту отмечают, что за гонениями на евреев, начатыми императором Романом, последовал разрыв между Византией и аланами, датируемый периодом после 922 г. В связи с этим исследователи допускают, что «политика нетерпимости Византии была отвергнута новым аланским царём, который в соответствии с текстом Шехтера, был тесно связан с правящей хазарской династией, исповедовавшей иудаизм» [9, с. 163].

Таким образом, в тот период, когда часть алан придерживалась иудаизма, политическая ситуация способствовала мифологическому отождествлению враждебного иудеям Рима (в данном случае Византии, т.е. Рума) с Левиафаном. Вероятно, название «римлянин», использовавшееся в качестве его эпитета, со временем стало восприниматься как собственное имя чудовищного дракона.

Резюмируя всё вышесказанное, приходим к следующему выводу. Относительно происхождения и значения мифонима Руймон среди исследователей до сих пор нет единого мнения. Тем не менее, наиболее убедительной на сегодняшний день представляется этимология Алборова-Абаева, производящая Руймон от Рум, т.е. Рим, с исходным значением «римлянин» или «римский». Безупречная с фонетической точки зрения, она имеет и достаточно убедительное семантическое обоснование. Впрочем, вопрос далёк от окончательного решения и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. - Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. - Т. II. - 448 с.
2. Албегова З.Х. Палеосоциологическое исследование религии алан V-XII вв.: дисс. ... канд. ист. наук. - М., 2000. - 342 с.

3. Алборов Б. А. Легендарное колесо нартских сказаний // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. - Орджоникидзе: Ир, 1968. - Т. XXVII. - С. 142-180.
4. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. - М.: Менеджер, 2003. - 608 с.
5. Библейская энциклопедия. - М.: NB-press, Центурион, АПС, 1991. - Т. I. - 496 с.
6. Библейские сказания и легенды / А. И. Немировский, А. П. Скогорев. - М.: Литература, Мир книги, 2004. - 432 с.
7. Бубенок О. Б. Данные письменных источников о распространении иудаизма среди аланов во времена средневековья // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы докладов. - М., 2002. - С. 17-19.
8. Газданова В.С. Руймон: имя и образ // Дарьял. - 1997. - №2. - С. 215-227.
9. Голб Н. Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. - М.-Иерусалим: Гешарим, 1997. - 240 с.
10. Гуриев Т.А. Проблема монгольского компонента в осетинском эпосе «Нарты» // Литературные связи Монголии. - М: Наука, 1981. - С. 101-116.
11. Дарчиев А. В. Осетинское предание о Самели, прикованном к луне: происхождение и мифологическая основа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2014. - № 12. - Ч. II. - С. 46-50.
12. Дарчиев А.В. Осетинские легенды о Руймоне: происхождение и мифологическая основа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2015. - № 6. - Ч. I. - С. 57-62.
13. Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи: географические и этнические названия в нартском эпосе. - Владикавказ: Алания, 1992. - 279 с.
14. Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. - М.: Издательство Московского университета, 1985. - 146 с.
15. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. - М.: Типография А. Иванова (б. Миллера), 1882. - Ч. II. - 304 с.
16. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. - М.: Типография Е.Г. Потапова, 1887. - Ч. III. - 216 с.
17. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. - М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. - 266 с.
18. Рижский М. И. Библейские пророки и библейские пророчества. - М.: Изд-во полит. лит-ры, 1987. - 363 с.

19. Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. - Симферополь, 2001. - Вып. VIII. - С. 313-333.
20. Штакельберг Р.Р. Главные черты в народной религии осетин // Юбилейный сборник в честь Всеволода Фёдоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Под ред. Н.А. Янчука. - М.: Типо-литография А.В. Васильева, 1900. - С. 20-23.
21. Штакельберг Р.Р. Заметка о некоторых персидских словах в осетинском языке // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического Общества. - М., 1891. - Т. I. - Вып. 2. - С. 135-142.
22. Chaudhri A. Ruïmon, the Serpentine Supernatural Enemy of Elÿah in Ossetia // Supernatural Enemies. - Durham: Carolina Academic Press, 2001. - P. 79-90.
23. Knobloch J. Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepik. - Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1991. - 72 s.
24. Patai R. The Messiah Texts: Jewish Legends of Three Thousand Years. - Detroit: Wayne State University Press, 1988. - 432 p.
25. Schmidt G. Zur Erforschung der ossetisch-ungarisch Lehnbeziehungen // Finnisch-Ugrische Forschungen. Zeitschrift für finnisch-ugrische Spach- und Volkskunde. - Helsingfors: Drükerei der Finnischen Literatur Gesellschaft, 1928. - Bd. XIX. - Hft. 1-3. - P. 13-35.

Рецензенты:

Чибиров Л.А., д.и.н., профессор, заведующий отделом этнологии ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Марзоев И.Т., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.